

ПЕТРОНИЙ

САТИРИКОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

1. ...Но разве не тем же безумием одержимы декламаторы, вопящие: «Эти раны я получил, сражаясь за свободу отечества, ради вас я потерял этот глаз. Дайте мне вожатого, да отведет он меня к чадам моим, ибо не держат изувеченные стопы* тела моего».

Впрочем, все это еще было бы терпимо, если бы открывало стремящимся путь к красноречию. Но пока от всей этой высокопарности, этих велеречиво-пустых сентенций одна польза: стоит попасть на форум, кажется, будто ты попал в другую часть света**. Потому, я думаю, и выходят дети из школ дураки дураками, что ничего жизненного, обычного они там не видят и не слышат, а только

* *...изувеченные стопы...* — указание на варварский обычай подрезывать пленным сухожилия, чтобы они не могли убежать.

** *...в другую часть света* — имеется в виду так называемый «азианский» стиль красноречия, впервые введенный в греческую риторику Горгием (V век до н. э.). Стиль этот отличается короткими синтаксическими отрезками, вычурной расстановкой слов, конечными созвучиями, обилием фигур, в особенности противоположений.

и узнают что про пиратов*, торчащих с цепями на морском берегу, про тиранов, подписывающих указы с повелением детям обезглавливать собственных отцов, да про дев, приносимых в жертву по три сразу, а то и больше, по слову оракула, во избавление от чумы, да еще учатся говорить сладко да гладко, так что все слова и дела похожи на шарики, посыпанные маком и кунжутом.

2. Разве можно на такой пище добиться тонкого вкуса? Да не больше, чем благоухать, живя на кухне. О риторы, не во гнев вам будь сказано, выто и погубили красноречие! Из-за вашего звонкого пустословия сделалось оно общим посмешищем, по вашей вине бессильным и дряхлым стало тело речи. Юноши не упражнялись в «декламациях» в те времена, когда Софокл и Еврипид находили слова, какие были необходимы. Начетчик, не выдавший солнца, еще не губил дарований во дни, когда даже Пиндар и девять лириков не дерзали писать Гомеровым стихом. Да что говорить о поэтах! Ведь ни Платон, ни Демосфен**, конечно, не предавались такого рода упражнениям. Истинно воз-

* ...*про пиратов*... — речь идет о темах «декламаций» и «контroversий», то есть дебатов, которые старшие ученики риторских школ должны были вести по указанию учителя. Эноклпий негодует на то, что там трактовались далекие от жизни фантастические темы, каких много, например, в «Контroversиях» Сенеки Старшего. Темы о тиранах, однако, держались еще долго; о них с досадой упоминает Ювенал (Сатиры, VIII, 151).

** *Демосфен* — считался образцом благородного стиля в противоположность «азиатскому».

вышненное и, так сказать, целомудренное красноречие прекрасно своей природной красотой, а не вычурностью и напыщенностью. Лишь недавно это надутое, пустое многоречие прокралось в Афины из Азии и, словно вредоносная звезда, наслало заразу, овладевшую умами молодежи, стремящейся к возвышенному, и вот, когда подточены были законы красноречия, оно замерло в застое и онемело. Кто из потомков достиг славы Фукидида или Гиперида?* Даже стихи более не блещут здоровым румянцем: все они точно вскормлены одной и той же пищей; ни одно не доживает до седых волос. Живописи суждена та же участь, после того как наглость египтян донельзя упростила это высокое искусство.

3. Агамемнон не мог потерпеть, чтобы я дольше разглагольствовал под портиком, чем он потел в школе.

— Юноша, — сказал он, — речь твоя не считается со вкусами толпы и полна здравого смысла, что теперь особенно редко встречается. Поэтому я не скрою от тебя тайн нашего искусства. Менее всего виноваты в этом деле учителя, которым поневоле приходится бесноваться среди бесноватых**. Ибо, начни учителя преподавать не то,

* *Фукидид* — греческий историк (V век до н. э.), *Гиперид* — греческий оратор, современник Демосфена (IV век до н. э.).

** *...приходится бесноваться среди бесноватых* — соответствует нашему: «С волками жить — по-волчьи выть».

что нравится мальчишкам, — «они остались бы в школах одни», как сказал Цицерон. В этом случае они поступают совершенно как льстецы-притворщики, желающие попасть на обед к богачу: только о том и заботятся, как бы сказать что-нибудь такое, что, по их мнению, приятно слушателям, ибо без силков лести им никогда не добиться своего. Вот так и учитель красноречия: если, подобно рыбаку, он не взденет на крючок ту приманку, на которую рыбешка наверняка клюнет, то и останется сидеть на скале без надежды на улов.

4. Что же следует из этого? Порицания достойны родители, не желающие воспитывать своих детей в строгих правилах. Во-первых, они и тут, как во всем прочем, свои надежды посвящают честолюбию. Во-вторых, торопясь скорее достичь желаемого, гонят недоучек на форум, и красноречие, которое, по их собственному признанию, стоит выше всего на свете, отдается в руки молокососов. Вот, если бы они допустили, чтобы учение шло постепенно, чтобы учащиеся юноши орошали душу лишь серьезным чтением и воспитывались по правилам мудрости, чтобы они безжалостно стирали все лишние слова, чтобы они внимательно прислушивались к речам тех, кому захотят подражать, и убеждались в том, что прельщающее их вовсе не великолепно, — тогда возвышенное красноречие обрело бы вновь достойное его величье. Теперь же

мальчишки дурачатся в школах, а над юношами смеются на форуме, и хуже всего то, что кто смолоду плохо обучен, тот до старости в этом не сознается. Но дабы ты не возомнил, будто я не одобряю непритязательных импровизаций, вроде Луцилиевых*, я и сам то, что думаю, скажу стихами.

5.

Науки строгой кто желает плод видеть,
Пускай к высоким мыслям обратит ум свой,
Суровым воздержаньем закалит нравы:
Тщеславно пусть не ищет он палат гордых,
К пирам обжор не льнет, как блюдолиз жалкий,
Не заливает пусть вином свой ум острый,
Пусть пред подмостками он не сидит днями,
С венком в кудрях, рукоплеща игре мимов.

Если же мил ему град Тритонии** оруженосной,
Или по сердцу пришлось поселение лакедемонян***,
Или постройка Сирен**** — пусть отдаст он поэзии
юность,

* *Луцилий* (умер в 102 году до н. э.) — римский поэт, основоположник жанра сатиры в римской литературе. Гораций, указывая на недостатки стиха Луцилия, объясняет их необработанность торопливостью (Сатиры, 1, 4, 9).

** *Тритония* — Афина Паллада.

*** *Поселение лакедемонян* — спартанская колония Тарент в Южной Италии.

**** *Постройка Сирен* — Неаполь, по преданию, построенный сиреною Парфенопой. Афины, Тарент и Неаполь славились преподаванием греческой грамматики (филологии) и философии.

Чтобы с веселой душой вкушать от струи меонийской*,
 После, бразды повернув, перекинется к пастве
Сократа,
 Будет свободно бряцать Демосфеновым мощным
оружьем.

Далее — римлян толпа пусть обступит его и, изгнавши
 Греческий звук из речей, их дух незаметно изменит.
 Форум покинув, порой пусть заполнит страницу
стихами,
 Чтобы Фортуны воспеть и полет ее окрыленный.
 Пой о пирах и о войнах сложи суровую песню,
 В слогe возвышенном так с Цицероном бесстрашным
сравнишься.
 Вот чем тебе надлежит напоить свою грудь,
чтоб широким
 Вольным потоком речей излить пиэрийскую душу**.

6. Я так заслушался этих слов, что не заметил исчезновения Аскилта. Пока я шагал по саду, все еще взволнованный сказанным, портик наполнился огромной толпой молодежи, возвращавшейся, как мне кажется, с импровизированной речи какого-то неизвестного, отвечавшего на «свазорию»*** Агамемнона. Пока эти молодые люди, осуждая строй речи, насмехались над ее

* ...от струи меонийской... — то есть гомеровской. Меония в Лидии считалась родиной Гомера.

** ...пиэрийскую душу — то есть преданную музам. Пиэрия — страна муз.

*** *Свазория* — классная задача, заключающаяся в том, чтобы от имени какого-либо исторического лица изложить и мотивировать какое-нибудь его намерение или решение.

содержанием, я потихоньку ушел, желая разыскать Аскилта. Но, к несчастью, я ни дороги точно не знал, ни местоположения нашей гостиницы не помнил. В какую бы сторону я ни направлялся — все приходил на прежнее место. Наконец, утомленный бегом и весь обливаясь потом, я обратился к какой-то старушонке, торговавшей овощами.

7. — Матушка, — сказал я, — не знаешь ли, часом, где я живу?

— Как не знать! — отвечала она, рассмеявшись столь глупой шутке. А сама встала и пошла впереди. Я решил в душе, что она ясновидящая... Вскоре, однако, эта шутливая старуха, заведя меня в глухой переулок, распахнула лоскутную завесу и сказала:

— Вот где ты должен жить.

Пока я уверял ее, что не знаю этого дома, я увидел внутри какие-то надписи, голых потаскушек и украдкой разгуливавших между ними мужчин. Слишком поздно я понял, что попал в трущобу. Проклиная вероломную старушонку, я, закрыв плащом голову, бегом бросился через весь лупанар в другой конец, — и вдруг, уже у самого выхода, меня нагнал Аскилт, тоже полумертвый от усталости. Можно было подумать, что его привела сюда та же старушонка. Я отвесил ему насмешливый поклон и осведомился, что, собственно, он делает в столь постыдном месте?

8. Он вытер руками пот и сказал:

— Если бы ты только знал, что со мною случилось!

— Почему мне знать, — отвечал я. Он же в изнеможении рассказал следующее:

— Я долго бродил по всему городу и никак не мог найти нашего пристанища. Вдруг ко мне подходит некий почтенный муж и любезно предлагает проводить меня. Какими-то темными закоулками он провел меня сюда и, вытащив кошелек, стал соблазнять меня на стыдное дело. Хозяйка уже получила плату за комнату, он уже вцепился в меня... и, не будь я сильнее его, мне пришлось бы плохо...

Все они словно сатирионом* опились...

Общими усилиями мы избавились от назойливого...

* * *

9. Наконец, как в тумане, увидел я Гитона, стоявшего на обочине переулка, и бросился туда же... Когда я обратился к нему с вопросом, приготовил ли нам братец что-нибудь на обед, мальчик сел на кровать и стал большим пальцем вытирать обильные слезы. Тронутый видом братца, я спросил, что случилось. Он ответил нехотя и нескоро, лишь после того как мои просьбы стали сердитыми.

* *Сатирион* — чабер, настой которого считался сильно возбуждающим средством.

— Этот вот, твой братец или товарищ, прибежал незадолго до тебя и стал посягать на мою чистоту. Когда же я закричал, он обнажил меч, говоря: — Если ты Лукреция*, то я твой Тарквиний.

Услыхав это, я едва не выцарапал глаза Аскилту.

— Что скажешь ты, потаскуха мужского пола, чье самое дыхание нечисто? — кричал я.

Аскилт же, притворяясь страшно разгневанным и размахивая руками, заорал еще пуще меня:

— Замолчишь ли ты, гладиатор поганый, отброс арены! Замолчишь ли, ночной грабитель, никогда не преломивший копья с порядочной женщиной, даже в те времена, когда ты был еще способен к этому! Ведь я точно так же был твоим братцем в цветнике, как этот мальчишка — в гостинице.

— Ты удрал во время моего разговора с наставником! — упрекнул его я.

10. — А что мне оставалось делать, дурак ты этакий? Я умирал с голоду. Неужто же я должен был выслушивать ваши рассуждения о битой посуде и цитаты из сонника? Поистине, ты поступил много гнуснее меня, когда расхваливал поэта, чтобы пообедать в гостях...

* *Если ты Лукреция...* — то есть «Если ты строишь из себя Лукрецию (исторический образец неприступной добродетели), то во мне ты нашел своего Тарквиния» (из-за которого Лукреция погибла). Конечно, сравнение не точно, ибо Лукреция пала не от руки Тарквиния, а закололась сама.

Так наша безобразная ссора разрешилась смехом, и мы мирно заговорили о другом...

Снова вспомнив обиды, я сказал:

— Аскилт, я чувствую, что у нас с тобой не будет ладу. Поэтому разделим наши общие пожитки, разойдемся и постараемся прогнать нашу бедность каждый порознь. И ты сведущ в словесности, и я. Но, чтобы тебе не мешать, я избираю другой род занятий, не то нам придется на каждом шагу сталкиваться, и мы скоро станем притчей во языцех.

Аскилт согласился.

— Сегодня, — сказал он, — мы, как риторы, приглашены на пир. Не будем попусту терять ночь. Завтра же, если угодно, я подыщу себе и другого товарища, и другое жилище.

— Глупо откладывать до завтра то, что хочешь сделать сегодня, — возразил я...

Страсть торопила меня к скорейшему разрыву. Уже давно жаждал я избавиться от этого несносного стража, чтобы снова взяться с Гитоном за старое <...>

* * *

12. Уже смеркалось, когда мы пришли на форум, где увидели целые груды товаров, недорогих, но сомнительного качества, что, однако, легко было скрыть в наступивших сумерках. По той же причине и мы притащили с собой украденный плащ и, воспользовавшись удобным слу-

чаем, устроились на углу и стали помахивать одной его полою, в расчете приманить покупателя столь роскошной вещью. Вскоре к нам подошел знакомый мне по виду поселянин, в сопровождении какой-то бабенки, и принялся внимательно рассматривать плащ. Аскилт, в свою очередь, устался на плечи мужика-покупателя и от изумления остолбенел. Я тоже не без волнения посматривал на молодца: мне показалось, что это тот самый, который нашел за городом мою тунику. Конечно, это был он! Но Аскилт боялся поверить своим глазам и, чтобы не действовать опрометчиво, стащил тунику с плеч мужика под предлогом, будто желает купить ее, и принялся внимательно ее ощупывать.

13. О, удивительная игра Судьбы! Мужик до сих пор не полюбопытствовал ощупать швы туники и продавал ее с отвращением, как нищенские лохмотья. Аскилт, убедившись, что сокровище неприкосновенно и что продавец — неважная птица, отвел меня в сторонку и сказал:

— Знаешь, братец, к нам вернулось сокровище, о котором я сокрушался. Эта самая милая туника, видимо, еще полна нетронутых золотых. Ну, что делать? На каком основании получить обратно нашу вещь?

Я, обрадованный не столько возвращением добычи, сколько тем, что фортуна сняла с меня позорное обвинение, отверг всяческие увертки и посоветовал добиваться своего по всем статьям

гражданского права: если мужик откажется вернуть чужую собственность законным владельцам, то потребовать, чтобы на нее наложили арест*.

14. Аскилт же, напротив, законов боялся.

— Кто нас здесь знает? — говорил он. — Кто поверит нашим словам? Пусть мы доподлинно уверены, что эта вещь наша, но все же мне больше улыбается купить ее и вернуть сокровище за небольшую плату, чем затевать тяжбу, которая неведомо чем кончится.

Чем нам поможет закон, если правят в суде только

деньги,

Если бедняк никого не одолеет вовек?

Даже и те мудрецы, что котомку киников** носят,

Тоже за деньги порой истине учат своей.

Приговор судей — товар, и может купить его каждый.

Всадник присяжный*** в суде платный выносит ответ.

Но в наличности у нас не было ничего, кроме дупондия****, на который мы собирались купить гороха и волчьих бобов. Поэтому, чтобы до-

* ...наложили арест — по римскому гражданскому праву претор мог наложить арест на вещь, принадлежность которой оспаривалась в суде.

** Киники — нищенствующие философы, проповедовавшие презрение к благам земным и ограничение потребностей. Школа киников, считавшая своими родоначальниками Диогена и Антисфена, появляется в Италии в I веке н. э.

*** ...всадник присяжный... — со времени Августа декуррии («десятки») присяжных заседателей пополнялись почти исключительно из сословия всадников.

**** Дупондий — мелкая монета в два асса.

быча от нас не ускользнула, мы решили сбавить цену с плаща и выгодной сделкой возместить небольшую потерю. Когда мы объявили нашу цену, женщина с покрытой головой, стоявшая рядом с крестьянином, стала пристально рассматривать метки на плаще, а потом вдруг обеими руками вцепилась в подол и заголосила во все горло: «Держи воров!»

Мы же с перепугу ничего лучше не придумали, как, в свою очередь, ухватиться за грязную, рваную тунику и во всеуслышание объявить, что, дескать, эти люди завладели нашей одеждой. Но слишком неравным было наше положение, и сбежавшиеся на крик торгоши принялись — не без причин, конечно, — издеваться над нашей жадностью: ведь одна сторона требовала драгоценную одежду, а другая — лохмотья, которые и на лоскутное одеяло не годились. Но Аскилт живо унял смех и, когда молчание воцарилось, сказал:

15. — Как видно, каждому дорого свое: поэтому пусть берут свой плащ, а нам отдадут нашу тунику.

Предложение понравилось и крестьянину и женщине, но какие-то крючкотворы, а вернее сказать, — жулики, позарившись на плащ, громко потребовали, чтобы до завтра, когда судья разберет дело, обе вещи были переданы им на хранение. Дело, по их словам, было не только в вещах, из-за которых разгорелась тяжба, но и в том, что, видно, обе стороны можно заподозрить в воровстве, — вот в чем следовало разобраться.